
Дневник

1889

Сентябрь 1889 года

11 [сентября]. Сегодня день рождения Верочки и годовщина Сережиного диспута. Я была с детьми у Сергия и причастила их¹. Не знаю, кто вспомнит нас сегодня, не знаю, здесь ли Пустошкины. В.А. Бетюцкая едет сегодня в Москву, и К[леопатра] А[лександровна] отправилась на вокзал провожать ее.

Вчерашний день прошел у нас очень тихо. С[ережа] был утром у Сергеевича, после завтрака я, он и Ниночка были у Степ[ановы]х. Там мне очень понравилась толстушка Лида. Очень жаль Олю: по-видимому, она в семье Сандрильона². Остальную часть дня провели дома. Я играла, читала «Записки» Кс[енофонта] Полевого³ и переводила свою повесть⁴. Скоро я ее кончу.

Сегодня мне как-то не по себе, как будто немного нездоровится. Может быть, это от молока (с 8-го числа я отлучила Верочку), а может быть, и от чего-нибудь другого. Скорей бы уж это определилось.

12 сентября. Вчера были у нас Л[юдмила] Ф[едоровна] и Саша, Вас[илий] Гр[игорьевич]. Ольга П. обедала – она заметно постарела за последние годы. Вечером Сережа был у В[асилия] Гр[игорьевича], а я дома. Получила письмо от Нади П[устошкин]ой⁵ – и больше не было никаких писем.

Интересный разговор был вчера у Сережи с Майковым: Бест[уже]в перед отъездом в Крым сказал Сереже, что он виделся с Бычковым в комиссии⁷, и что тот согласен взять на себя редактирование издания, к[ото]рое ведет С[ережа]⁸. Когда же С[ережа] на днях заговорил об этом с Бычковым, то услышал от него, что он Бестужева в комиссии не встречал и ничего об этом деле от него не слышал, что последние 4 листа Ивана Тим[офее]ва⁹ необходимо послать Бест[уже]ву для подписи в Крым, и что со стороны Бест[уже]ва очень странно так легко отказываться от принятых на себя обязанностей и сваливать их на других. Вопрос: кто из них двух неискренен (то есть попросту лжет)? Майков по этому поводу рассказал кое-что интересное; неискренен, несомненно, Бычков: Бест[уже]в никогда не лжет, а Бычков иногда забывает. Теперь он настроен против Бест[уже]ва, так как президент Академии наук поставил кандидатуру Бест[уже]ва для выбора в академики¹⁰. М[айко]в надеется, что дело с изданием уладится.

Сегодня была с Ниночкой у П[устошкины]х: Надя и Даша едут за границу – сначала в Берн, а потом в Париж. Надя хочет изучать медицину, а Даша хотела было поступить на наши Бест[уже]вски]е курсы¹¹, но отец ни за что не пускает Надю одну за границу, поэтому Даша едет с ней.

Они говорят, что у Зины хороший вид и что Сережа¹ очень поширел. Писем опять ни от кого нет.

15 сент[ября]. Сегодня получила Сонину карточку; по-видимому, она пополнела и поздоровела.

Вчера мы были с Ниночкой у Дружининых, где я в первый раз видела Чичагову. Вечером у нас были Шмурло, Вас[илий] Гр[игорьевич] и Степанов. Шмурло рассказал, что Анненский уехал в деревню, так как у его жены крупозное воспаление легких. Днем был у нас Ив[ан] Петрович и сообщил, что скоро сюда приедет Анна Петровна с Ф.И. Мани, к[ото]рый едет сюда продавать сыр. Что выйдет из ее поездки сюда?

Сегодня был у нас Васильевский, передавал, что Сергеевич находит, что в диссертации Дьяконова¹² нет ничего юридического, хотя все в ней очень мило изложено, что Дьяконов в этой диссертации показал себя гораздо больше учеником Васильевского, чем его, Сергеевича.

Сегодня совет на курсах. Интересно, какие впечатления Сережа оттуда вынесет.

На воскресенье (17 сент[ября]) назначен диспут Грота; оппоненты Ламанский и Васильевский¹³. Жаль, что я не могу там быть.

21 сент[ября]. В субботу 16-го были вечером с Сережей у Людм[илы] Феод[оровны], но рано вернулись домой, п[отому] ч[то] Сережа был очень утомлен.

На совете курсовом Сережа узнал, что церк[овно]слав[янский] яз[ык] будет читать Новопащенко, а русск[ий] яз[ык] Смирнов¹⁴; о первом из них никто ничего не знает. Соболевский сначала решительно отказался, в разговоре с Владиславлевым, от чтения лекций на курсах («какая там наука! Будет с них и Петухова»¹⁵), а потом к[а]к будто соглашался взять 2 лекции, но министр не пожелал ради этого удалить уже приглашенного лектора (Смирнова или Новопащенко). Странный и несимпатичный человек этот Соболевский.

17-е прошло довольно шумно; целый день у нас были гости, так что к вечеру я очень устала.

19-го у нас было первое собрание историков; исключая отсутствующих Н[иколая] Д[митриевича] Чечулина, Дьяконова и Симонова, были все члены кружка¹⁶, но никто ничего не докладывал, прочли только вслух помещенную в сент[ябрьской] книжке «Русск[ой] мысли» рецензию на «Общество» Н[иколая] Д[митриевича] Чечулина¹⁷. Оказывается, что ее написал Милуков¹⁸. Я не читала книги Чечулина и потому в этом деле не судья, но общий тон рецензии мне не нравится; по-моему, можно было сказать тоже самое более скромным и менее обидным тоном.

Вчера, 20-го, Сережа получил из Академии наук официальное уведомление о присуждении ему малой Уваровской премии¹⁹. Вчера же я кончила перевод повести. Соня мне прислала другую свою карточку.

25 сент[ября]. В последний четверг (21-го) у меня были только Надя и Даша П[устошкин]ы; они едут завтра. Сережа начал опять лечитьсяⁱⁱ от псориаза, но не у Шперка, а у Борхсениуса; лекарство – йодистый калий

¹ Над строкой вставлено С.Н.

ⁱⁱ Далее зачеркнуто у Борхсениуса.

(kali iodatum) в громадных дозах. Принимать его Сережа начал только третьего дня вечером, а вчера к вечеру уже обнаружались признаки йодизма (отравления йодом); пока желудок хорош, Сережа хочет продолжать лечение. 23-го мы с ним были у Мелье²⁰ и просили выписать франц[узский] перевод Луки Ларас²¹; через три недели мне его пришлют, а до тех пор, может быть, я начну переписывать свой перевод.

Вчера у Борхсениус праздновались Сережины именины; я с Ниночкой ходила, и Ниночка очень мило танцевала с детьми.

Сегодня мы с Сережей были в Академии на присуждении Уваровских премий. Председательствовал вел[икий] князь²²; публики собралось очень мало. Отзыв о Сережиной книге писал Ключевский²³, и я нахожу, что если несмотря на это книга признана достойной премии, то Сережа может быть доволен, хотя все-таки нужно сознаться, что во всем этом деле относительно присуждения премии было много такого, что укололо и даже обидело нас. Мне было интересно в высшей степени посмотреть академиком; глядя на них, я невольно вспоминала «l'Immortel» Додэ²⁴ и жалела, что у меня нет сатирического таланта, чтобы нарисовать их портреты.

Вчера у нас были Ламанские. Оба они, особенно он, мне очень нравятся. Сегодня получила письмо от мамы²⁵; она в восторге от Киева. Зинино здоровье очень беспокоит и мучит меня.

1 октября. Сережа продолжает свое лечение; лекарство несомненно сильно действует, но будет ли это действие благотворно, пока остается еще под вопросом. Недавно я получила письма от Зины и Сережи самого успокоительного свойства²⁶; по-видимому, им хорошо обоим. Соня также, судя по письмам²⁷, вполне хорошо чувствует себя. Что же касается до меня, то я давно не чувствовала себя такой здоровой, сильной и бодрой, как теперь. Дети веселы и здоровы; одна только Сережина болезнь тревожит меня, но и от нее, Бог даст, избавимся с помощью нового способа лечения.

27-го числа мы с Сережей были на открытии курсов²⁸. Все было очень торжественно, был министр, попечитель, Гегемейстер²⁹ и даже Грессер³⁰. Видела я там Нанно Коляновскую и очень звала ее к себе. 28-го Сережа начал читать на курсах³¹. От курсовых дам у него такое впечатление, что, благодаря им, на курсах теперь немного пахнет институтом.

26-го Надя и Даша Пуст[ошки]ны уехали за границу.

Всю эту неделю мы провели вечера дома. В ожидании франц[узского] перевода новогреч[еской] повести я усиленно переписываю перевод II книги «Риторики»³², чтобы к Рождеству отдать его Никитину. «Записки» Кс[енофонта] Полевого я кончила с неделю тому назад, а вчера начала читать в «Вестн[ике] Евр[опы]» статью Герье «Метод Тэна»³³ и в восторге от нее, только, когда читаешь ее, как-то грустно становится подумать, что не хватает времени на серьезное чтение. Сережа также не успевает прочесть много такого, что следовало бы и хотелось бы прочесть. Он, бедный, теперь все возится с своими корректурами.

Вчера в лицее³⁴ Сереже рассказали потрясающую историю: вдова Гедримовича, умершего в прошлом году летом, недавно (три недели тому назад) вышла замуж за некоего Лессара, юриста, знакомого ее покойного мужа,

причем они согласились жить к[а]к брат с сестрой; но с самого дня свадьбы она стала тосковать, говорилаⁱ, что изменила своему первому мужу, и на днях отравилась; умирала она в полной памяти и просила Лессара позаботиться о ее детях (их трое)³⁵.

ⁱ Слово говорила вставлено над строкой.